

Сайт автора: gsomov.com

Ссылка для цитирования: Сомов Г.Ю. (2013). Историческая городская среда: объекты исследования и средства регенерации. В сб.: *Градостроительные проблемы охраны наследия: Сборник материалов научно-практической конференции НИИТИАГ РААСН*, под ред. Э.А. Шевченко. Выпуск 2, Москва : Зодчий, 43 — 48.

Автором внесены дополнения и исправления в ранее опубликованный текст статьи - от 22.1.2014.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА: ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И СРЕДСТВА РЕГЕНЕРАЦИИ

*Г.Ю. Сомов,
кандидат архитектуры*

Сохранение и воссоздание исторической среды городов является особой областью градостроительной деятельности, а в условиях возрождения исторического наследия страны приобретает первостепенную государственную значимость. В мировой градостроительной практике эта область деятельности отображается в понятии «регенерация исторических мест». В рамках отечественного законодательства она соответствует разработке регламентов и проектов планировки территорий достопримечательных мест, которые все шире получают правовое обоснование в генеральных планах городов и муниципальных округов. В то же время параллельно с работой по усилению правовых основ необходимо совершенствование проектирования. Это требует рассмотрения теоретических вопросов.

Центральным является вопрос о том, **что собой представляет историческая городская среда, и какова потенциальная система проектных средств ее формирования?** Для прояснения этого требуют теоретического обобщения результаты научно-методического и практического опыта, накопленного в этой области за рубежом и прежде всего в странах ЕС, а также отечественными специалистами. Как показывает опыт теоретической разработки этой проблематики автором, наиболее полное отображение процессов реального существования и формирования исторической городской среды осуществляется при детальном описании информационных (коммуникативных) процессов и знаковых систем среды в моделях и понятиях структурного подхода и семиотики. Опираясь на общенаучные представления этого круга, целесообразно **систематизировать основные объекты исследования – стороны реального существования исторической городской среды и на этой основе – представить различные средства ее регенерации.** Попытаемся зафиксировать здесь основные из этих объектов и средств.

Комплексы жизненных процессов и организованное пространство образуют основу формирования городской среды определенных периодов и культур. Для проектирования

организация жизненных процессов представляет собой базовую операцию. В проектной терминологии этому уровню соответствуют такие понятия, как: пространственная организация поселений, функциональное зонирование, формирование социального пространства, объемно-планировочная организация зданий и комплексов. Уже на этом уровне реализуются особенности регионального, этно-культурного, культурно-исторического своеобразия городов, складываются целостные системные образования – **комплексы процессов жизнедеятельности и их пространственные системы**: жилище, производство, торговля, общение, направления транспортного и пешеходного движения, формируются публичные и частные городские пространства и комплексы, их социальные различия. Комплексы процессов характеризуются определенными структурами, а также информационно-знаковыми, коммуникативными особенностями. Эти две группы характеристик реализуются в структурных и информационно-знаковых особенностях пространства и среды процессов [2]. Жизненные процессы и организованное пространство (как и все остальные компоненты организуемой среды) дифференцированы по уровням как материальные (физические) и перцептивные (П. Холл, Ю. Йодике и др.). Это соответствует различению физического и психического компонентов знаковых систем и их носителей в семиотике, в концепциях связи семиотики и психологии восприятия. В соответствии с данным различием вся проблематика среды, градостроительной деятельности и проектирования дифференцируется на две группы проблем.

1. **Организация материальных компонентов среды связана главным образом с формированием социотехнических систем** (социальная, инженерная, транспортная инфраструктура, инженерная подготовка территорий, мероприятия по предотвращению чрезвычайных ситуаций, энергоэффективность организации застройки), **социоэкологических и экотехнических систем** (формирование плотности жилого и нежилого фонда территорий, инженерное обеспечение, защита от вредных воздействий, создание комфортных микроклиматических условий и т. д.). Основу организации материального уровня образует распределение ресурсов, прежде всего – отношения собственности (собственники, арендаторы, пользователи земельных участков и объектов недвижимости). **Если собственно материальные компоненты реконструкции городов включены в задачи правового, экономического, социального, инженерно-технического характера, то материальные и перцептивные компоненты в их единстве – в организацию информации и знаковых систем** [4, 10, 11, 12].

2. **Организация воспринимаемых – перцептивных компонентов** городского окружения также предстает в многообразных элементах и отношениях. Наиболее

наглядными из них являются элементы перцептивного пространства (конфигурации улиц и площадей), а также визуально-пространственные компоненты городских ландшафтов: отдельные видовые картины, последовательности их раскрытия, ритмические структуры этих последовательностей.

Указанное различие (1 и 2) в целом соответствует рассмотрению архитектурно-градостроительной деятельности в **единстве социотехнических и семиотических систем и процессов** (Г.П. Щедровицкий).

Семиотическая системность городской среды, окружения людей, различных физических и визуально-пространственных элементов **формируется во взаимосвязи нескольких основных аспектов**. Наиболее эффективно различать аспекты и их взаимоотношения, выделенные ниже.

Коды и языки образуют исходное различие. Как считают видные представители семиотического подхода, коды могут рассматриваться как исходные семиотические системы (К. Эмейдж, Дж. Хоффмайер), а типы кодов позволяют уточнять типы знаков (Д. Чандлер, Дж. Бигнелл и др.). В этом смысле представление о кодах городов, которое ввел известный градостроитель А.Э. Гутнов, не является только художественной метафорой, а характеризует суть семиотической проблематики регенерации исторической городской среды. Характерные признаки городского окружения являются обычно результатом многих исторических напластований и случайностей, обозначают интеграцию разнообразных – социально-пространственных, геоморфологических, строительно-технологических и других факторов. Такие признаки включаются в то же время в повторяющиеся процессы распознавания, эмоционального реагирования, воспоминания, где становятся означающими сторонами кодов городов. Эти коды пытаются систематизировать некоторые исследователи (Л.Ф. Чертов). Различные коды проявляются как связи знаков и как устойчивые связи планов выражения и планов содержания, что соответствует семиотическим концепциям (Э. Бейссанс, Л. Ельмслев, Л. Прието, У. Эко, Дж. Фиск и др.). На этой основе формирование в исторической городской среде кодов и характерных черт, присущих городу, периоду его истории, особенностям конкретного места, может осуществляться целенаправленно с использованием различий и тождеств в некотором «пространстве признаков». Такому подходу соответствуют удачные примеры регенерации исторических мест в Европе, когда создаются различного рода системы различий и тождеств – сдвиги по рельефу смещения крыш, силуэтные очертания застройки, акцентируются тождественные элементы во вставках и пристройках и т. п. [1].

Согласно ряду концепций, **взаимосвязи различных кодов образуют устойчивые семиотические системности типа языков**, проявляются в стилевых, региональных, этно-

территориальных и других системностях культурного своеобразия. В русле этих концепций культуру вообще стали определять как систему кодов (М. Данези). Такого рода системности своеобразия в урбанистике рассматривались, в частности, в работах У. Эко, М. Крампена, Ч. Бродбента, Ф. Шоэ и др. Концепция кодов как основы формирования городской среды повлияла, в том числе, на рассмотрение принципов формирования пространства. Уже родоначальник семиотики поведения в городском пространстве Э. Холл, следуя идеям Дж. Мида и Ч. Морриса, а также идее кодов, показал, что эти процессы включают означаемые и означающие, т. е. представляют собой коды, образующие некую структуру, подобную вербальному языку. Из этого, в частности, вытекает, что историческая городская среда становится полноценной при воссоздании основных означаемых – функций, процессов движения людей, мест общений и других жизненных процессов, что было воспринято из концепции Э. Холла в подходе К. Линча и других теоретиков городской среды. Основательность этого подхода подтверждается опытом регенерации исторических мест, когда реконструкция кварталов и улиц основывается на многообразном функциональном насыщении среды, организации источников и маршрутов движения людей. Кроме того, сами жизненные процессы являются означаемыми сторонами других означаемых (например, присутствия «высших сил») и сами образуют основу формирования кодов.

Тексты – знаковые системы, по правилам которых формируются конкретные фрагменты городов и городских пространств, городские архитектурные ансамбли. Выделяются два подхода к анализу и конструированию текстов. В концепциях структурализма текст рассматривается как **структура коммуникативного акта и основные присущие ему функции** (Р. Якобсон, Р. Барт), как **структуры последовательно раскрывающихся знаковых образований** (Ю.М. Лотман). **Тексты** фрагментов городов могут рассматриваться при таком подходе как **системности, формируемые в структурах коммуникативных актов и коммуникативных ситуаций**, что получило обоснование на анализе знаковых систем русской архитектуры (Е.Н. Барбышев). Регенерация городской среды может основываться, в частности, на воссоздании смены видовых картин, пространственных раскрытий, значимых акцентов исторического города, т. е. на изменениях коммуникативных ситуаций, что реализуется в европейских исторических городах при комплексной реконструкции улиц и площадей [1]. В то же время следует учитывать второй – более широкий подход, который сложился в постструктурализме и прежде всего в концепции Ю. Кристевой, при котором тексты рассматриваются как реализации непереводимых, подсознательных стремлений и невербализуемых моделей мировосприятия. Это отчасти соответствует представлениям историков, в которых модели мира, «лежащие» в основании

многих городов и архитектурных ансамблей, являются основой «прочтения» этих текстов и их отдельных значений. Но модели мира исторически подвижны, по-разному интерпретируются разными группами коммуникантов. С этим связана необходимость рассмотрения интерпретативности текстов.

Интерпретативность текстов городской исторической среды образует особую область их исследования и формирования. Для описания интерпретаций теории регенерации исторических мест вводят понятие «дискурс», получившее развитие в семиотических методах в антропологии, этнографии, политологии и других науках (М. Готтдинер, А. Лагопулос). Дискурс может рассматриваться как **коммуникативный канал, который приобретает определенность** благодаря участию в коммуникации определенных групп коммуникантов с определенными интенциями и целями (Т. Ван Дейк). **В интерпретации городского окружения участвуют различные городские дискурсы.** В соответствии с ними отчасти осуществляется восприятие тех или иных фрагментов города. В то же время интерпретативность городских текстов не может абсолютизироваться и требует в целом ряде ситуаций подчинения вполне определенным глобально-историческим образам и символам, например при воссоздании среды православных центров, исторических ансамблей государственной власти, военных мемориалов и т. д.

В формировании городской среды принципиально существенны вопросы, относящиеся, согласно теории Ч. Морриса, к трем измерениям информации и знаковых систем: **каковы интерпретаторы – жизненные процессы, группы людей, их цели (прагматика); что обозначают и выражают объекты окружения (семантика); как взаимосвязаны эти объекты – знаки, пространственно-визуальные и другие воспринимаемые элементы (синтактика).** *Прагматика* охватывает, прежде всего, формирование среды как комплекса условий поведения и деятельности групп людей [5], а также различные знаковые системы политико-идеологических целей [4]. Значительная часть явлений данного типа получила отображение в моделях городской среды и средствах ее формирования под влиянием идей бихевиоризма, концепций Дж. Мида и Ч. Морриса в американских урбанистических концепциях в 60–70-е гг. (Э. Холл, К. Линч, Кр. Александер и др.). В то же время теоретическая разработка проблемы архитектурной среды показывает, что ее формирование сложнее. В первую очередь, требуется отображение структуры прагматики среды. Восприятие окружения образует вершину айсберга не только процессов поведения и деятельности людей, но также их влечений, неосознанных устремлений и чувств. Сохранение и развитие исторической городской среды основывается, прежде всего, на фундаментальных потребностях, мотивах, интенциях, образующих основу информации –

стремлениях к покою, комфорту, поиску, исследованию и т. д. [5].

Семантика отображает значения знаков – их отношения к обозначаемым объектам, в том числе их отношения к различным реальностям, которые создаются средствами архитектуры (реальности культур, периодов истории, виртуальные реальности архитектурных фантазий и т. п.). Согласно ряду семиотических концепций (У. Эко и др.), в объектах городской среды выделяются два основных типа значений:

1) **предметные** (значения безопасности этих объектов, тектоники, масштаба, силы и слабости, статичности, динамичности и др.);

2) **непредметные** (выражение определенных эмоций, культурно-семиотических явлений – характерных текстов культуры, мифов, вышеуказанных реальностей).

Многие значения выражаются и актуализируются при восприятии под сильным влиянием знаковых систем конкретной культуры. В частности, элементы зданий и комплексов, устойчивые архитектурные формы несут значения тех или иных традиций: региональных, местных, стилевых. Типы значений выделяются также по линии взаимосвязи с уровнями восприятия (ощущениями, эмоциями, действиями, представлениями и т. д.) (П.А. Брандт). Это позволяет рассматривать многослойность семантики исторической среды (устойчивые значения воздействий материалов, цветов, текстур, их сочетаний, воспринимаемых пространств и т. д.). Часть значений связана с вербализацией и концептами. Эти значения предстают как смыслы [6]. В формировании городской среды закономерно возникают тенденции формирования и акцентирования смыслов, что формулируется в требованиях феноменологического подхода к городу и развивается некоторыми отечественными теоретиками архитектуры. При регенерации исторических городов в центре этой задачи находится воссоздание утраченных смыслов доминирующих в городской среде храмовых комплексов, вообще – памятных мест, символизирующих смысл существования человека.

Отдельные архитектурные элементы, характерные для исторической городской застройки, как бы фокусируют разные группы значений. Обрамления дверей и окон, например, выражают в равной степени те и другие значения, с одной стороны – подчеркивая проемы и тектонику стены, с другой стороны – символизируя преграды для проникновения мистических сил.

Обусловленности значений парадигматикой и языком, либо синтагматикой и текстом порождают **средства разных уровней конкретности**. Значения исторической городской среды, обусловленные наиболее общими и абстрактными знаковыми единицами кодов и языков, имеют устойчивый характер, а при сочетаниях этих единиц конкретизируются. Поэтому можно создавать историческую среду города, продолжая архитектурные традиции

намеками, либо более элементарными средствами – сочетанием единиц в конкретных формах – путем цитирования элементов стилей, ордеров, конкретных зданий, архитектурных деталей и т. д. С разными уровнями конкретности связаны различные средства регенерации исторической застройки. При реставрации и консервации многих повторяющихся объектов городской среды, какими являются рядовые жилые дома, их фасады, участки фасадов, образующие фронт застройки улицы, профессионалам нет необходимости создавать архитектурные произведения, имеющие каждое свой индивидуальный неповторимый образ. Достаточно повторить стандартный участок стены, окно, оконное обрамление, ограждение балкона, угол наклона крыши, материал кровли, ворота, двери и т. п. [1]. При существующих абстрактных знаковых единицах в удачных регенерациях улиц и кварталов исторических мест при отсутствии рядовых объектов исторической застройки или их элементов часто применяются вставки с использованием новых материалов, изделий и технологий. Но в этих ситуациях существенно, что сохраняются и восстанавливаются наиболее активные признаки исторической среды: топологические структуры пространства, характерные для городской застройки, замкнутые, разомкнутые, Г-образные и другие конфигурации участков стен, ритмические построения и очертания силуэтов и т. п. [1]. Такого рода средства формирования своеобразия образуют неисчерпаемые возможности формирования традиционной образности городов.

Синтактика охватывает **отношения знаков между собой**. Те же вставки отличаются от старых зданий по признакам крупных расчленений поверхностей, текстуры, цвета, фактуры, по характеру рисунка деталей. Но тождественность по наиболее активным признакам с семиотической точки зрения более существенна в формировании знаковых единиц в отождествлениях (сем, семем и других семантических компонентов) (Л. Ельмслев, Л. Прието и др.). Такого рода взаимоотношения визуально-пространственных элементов по основным признакам наиболее существенны и для выражения значений (семантика) и для организованности отношений (синтактика). Синтактика, в которой систематизируются все типы элементов и отношений, выявляет, прежде всего, некоторые правила, инварианты, устойчивые структуры архитектурных объектов. Такого рода инварианты проявляются, в частности, в традиционных пропорциях. Но в отличие от традиционных принципов исследования пропорций в архитектуре с семиотической точки зрения синтактика небезразлична к отношениям означаемых [9, 11], к тому, что обозначают и выражают воспринимаемые элементы исторической городской застройки. Роль пространственно-визуальных признаков, формирующих историческую городскую среду, весьма существенна, поскольку эти признаки образуют основу кодов, различий и тождеств, лежащих в основе

языка, информации, культуры (Ф. де Соссюр, О.В. Куайн, А.Д. Урсул, Вяч.Вс. Иванов и др.). При этом следует подчеркнуть, что визуально-пространственные универсалии (структурные признаки, ритмы, симметрии, оси, центры и др.) не являются порождениями культур, идеологий, вербальных языков или форм художественного мышления. Подобные универсалии имеют более глубокую основу как необходимые составляющие неоднородности информации и знаков. Это соответствует представлениям об устойчивых правилах и инвариантах – синтаксических структурах вербальных языков, которые отображаются в семиотических теориях синтаксических структур. Также как вербальные языки направляются некими фундаментальными структурами, столь же устойчивы различные семиотические правила формирования визуально-пространственных элементов композиции [9, 11].

Художественные образы восстанавливаемой городской среды, отдельных исторических мест, архитектурных ансамблей основываются на всех основных указанных семиотических системностях. В то же время в формировании художественных целостностей [3, 4] существенны знаковые образования «вышележащего» уровня: многообразные художественные коннотации [7, 9], метафоры и метонимии, образующие глобальные символы [8]. Но, в отличие от семиотических системностей кодов, языков, текстов, измерений и дискурсов, художественные образы, вообще художественные целостности вряд ли поддаются структурному анализу. Они требуют более целостного подхода – таланта и высокого художественного вкуса архитекторов.

Литература

1. Алексеев Ю.В., Сомов Г.Ю., Шевченко Э.А. Градостроительное планирование достопримечательных мест. Т. 1, 2. М.: АСВ, 2012.
2. Барбышев Е.Н., Сомов Г.Ю. Вопросы теории формообразования в архитектуре. Архитектура СССР. 1976, № 8. С. 4–8.
3. Сомов Г.Ю. Уровни средообразования : Сборник материалов Всесоюзной научной конференции «Городская среда». Ч. 2. М.: ВНИИТАГ. 1989. С. 116–124.
4. Сомов Г.Ю. Проблемы теории архитектурной формы // *Форма в архитектуре* / А.Г. Раппопорт, Г.Ю. Сомов. М.: Стройиздат, 1990. С. 164–334.
5. Сомов Г.Ю. Эмоциональное воздействие архитектурной среды и ее организация // *Архитектура и эмоциональный мир человека*. М.: Стройиздат, 1985. С. 82–149.
6. Somov G.Yu. Concepts and senses in visual art: Through the example of analysis of some

works by Bruegel the Elder. *Semiotica* 182 (1/4), 475–506, 2010.

7. Somov G.Yu. Connotations in Semiotic Systems of Visual Art, *Semiotica* 158 (1/4), 147–212, 2006.

8. Somov G.Yu. Metonymy and its manifestation in visual art works (case study of late paintings by Bruegel the Elder). *Semiotica* 174 (1/4), 309–366, 2009.

9. Somov G.Yu. Semiotic systems of works of visual art: Signs, connotations, signals. *Semiotica* 157 (1/4), 1–34, 2005.

10. Somov G.Yu. Semiotics of architecture and architecture of semiotics. *Semiotiche Berichte* 1-4, 339-352, 2001.

11. Somov G.Yu. Structures and Semiotic Systems. *Semiotica*. 167 (1/4). 387–421, 2007.

12. Somov G.Yu. System-forming processes in the semiotic studies of architecture. *S-European Journal for Semiotic Studies* 14 (3,4), 703-716, 2002.

gsomov.com